

Дарья ЕФРЕМОВА

## **ДЕРЖИСЬ, СОБАКИН!**

*О романе Кирилла Рябова «Дирижабль»<sup>2</sup>*

Роман-мытарство Кирилла Рябова так и тянет примостить с краю полки большого корпуса скитальческой прозы. Самая простая аналогия — Венечка Ерофеев с его запойно-психоделическим трипом «Москва — Петушки», к которому, кстати, отсылает издательский анонс, рекомендуя книгу Рябова как «пронзительную историю о мучительной любви и пагубной зависимости, ведущих душу художника по современным станциям крестного пути через мрачный, мистический город». Самая же хронологически близкая — вышедший за полгода до «Дирижабля» «Фирс Фортинбрас» Сергея Носова, чей главный герой, незадачливый,

---

<sup>1</sup> Предыдущий выпуск см. в № 3 за 2024 год. — Примеч. ред.

<sup>2</sup> М.: ИД «Городец», 2023. — 320 с.

но тоскующий по сцене актер Никита-Кит, так же, как и талантливый, но обойденный вниманием фортуны и экспертных жюри писатель Федор Собакин, ввязывается в сулящую легкие деньги авантюру с кино по заданию сомнительного заказчика. Разумеется, герой Рябова выполнять заказ не торопится: бродит по рюмочным Петербурга, встречает старых и новых «друзей», теряет прежнюю любовь, находит новую, и тоже ее теряет, и заново обретает старую... Еще, конечно, завидует удачливым бездарям. Но это так, краска.

Если отвлечься от киношно-денежной коллизии, можно вспомнить «Постороннего» Альбера Камю, оба «Тропика» Генри Миллера и даже Джеймса Джойса с каноническим «Улиссом» — в «Дирижабле» Рябова просматриваются аллюзии к одиссеям. Печальный пес и весьма себе кобель Собакин (впервые читатель застаёт Федора на перроне, погруженным в раздумья о груди проводницы) частенько представляется Никем — гомеровским именем, предназначенным для обмана одноглазого циклопа. По крайней мере, именно так он отвечает на расспросы любопытствующих в рюмочных: «Кто ты?» — «Никто». — «Чем занимаешься?» — «Ничем».

В том же ряду и любовная линия: подруга писателя, сексапильная завучиха Инна, присутствует в романе на расстоянии — она и верная Пенелопа, и коварная Цирцея, обращающая мужчин в свиней. Ежедневно, в строго отведенный час, дисциплинированная педагогиня требует от любимого отчета о прошедшем дне. Если время проведено с пользой для дела и Собакин трезв, она вознаграждает его сеансом видеосвязи, на котором мастурбирует. А нет, так бросает трубку.

Если поэтичный, разъедаемый раком времени Генри Миллер выдавал компендиум мужских неврозов, сладострастно и порочно обрушивая на читателя подробности бюстгальтеров и подвязок, то целомудренный Федор, Симплициссимус и слегка Иванушка-дурачок, принимает свои эротические пилюли с обреченностью захворавшего пса, продолжая надеяться на разрешение противоречий и счастливое будущее со своей хозяйкой.

— Ты закончил? — спросила Инна.

— Да, но нет. Я ужасно виноват, я забылся...

— Я уже поняла, Федя, что для тебя выпивка с приятелем оказалась важнее. Ты просто расставил приоритеты. И выбрал не меня. Обсуждать тут нечего.

<...>

Она отключилась. Федор не стал перезванивать. Это было бесполезно. Она бы и не ответила. Полежав немного, он отправил ей эсэмэс:

«Я козелд».

За легкомысленным тоном рассказчика скрывается отнюдь не ирония.

Казалось бы, безответственная гулянка по значным местам Петербурга — вызов унылой, прошитой меркантилизмом действительности, однако посмеиваться в ладошку над абсурдом современности для Рябова мелковато. Истинный антагонист в его романах, рассказах

и повестях — смерть, поджидающая очередного Собакина-Одиссея разъяренным слепым циклопом где-то на выходе из пещеры. Скитания Федора по кабакам — карнавализованные поминки по литературному «я», утрачивающему семантическое ядро. И дело даже не в цене прокрастинации — расправа колбасного олигарха Панибратова, внесшего внушительный аванс за несуществующий сценарий, Федора не пугает. Темпераментный, отчаянный, прямодушный, он чинит расправу над собой сам — стремительно опускаясь на дно, обретая «нулевую температуру», нужную для проявления природы его художественной действительности, чтобы читателю было легче ее расслышать и рассмотреть. И вот уже «каменная башка», барельеф в комнате бабушки Биби, корчит рожи, а перед затухающим сознанием проносятся обрывки диалогов и абрисы дорогих и ненужных лиц — Инна, Зофия, Анжела, Венера и даже луна, висящая, как бельмо, посреди ночного неба.

— Привет, дура! — сказал Федор.  
Луна не ответила.

Смерть, прибирающая растерявшихся мужичков в inferнальных закутках их нескладной жизни, — об этом почти все тексты Кирилла Рябова. Не искупительная и не очистительная — какой уж там шаг к вечности, — фантазмагоричная, охочая до переливки душ в пуговицы, она заявляет о себе с первых строк, превращая последние дни, а иногда и память погибающего в хаос. Так, в романе «Пес» вдовец Бобровский скитается среди коллекторов, силовиков и проституток — это поминки по ушедшей жене как не-бывшей. А герой повести «Лихо», учитель рисования по фамилии Выдрин, находится на пороге небытия с тех пор, как арестовали его кота Диего:

Его потащило сквозь крошечную тьму, наполненную звуками: невнятные обрывки фраз, музыка Чайковского в стиле техно, смех, шепот, звон колоколов. Потом лицо окатило холодным. Выдрин открыл глаза. <...> Он хотел поскорее сесть, но смог лишь немножко пошевелить рукой и издать тихий хрип. Пришла старуха с кухонным ножом.

— Нужно проткнуть горло, чтобы он мог дышать, — сказала она. — Пока мозг не умер.

В «Дирижабле» прослеживаются два макабрических образа — физиологичный, осязаемый, и эфемерный, надуманный. Это похмельная черная птица, которая то омерзительно-тихо скребется коготками, то мечется и бьется в груди героя, и, собственно, сам неведомый дирижабль, о котором заказчик попросил «что-нибудь написать» в сценарии.

С последним, кстати, все не так просто. Раздутый шар с крохотной гондолкой изначально служил средством перемещения богатой праздной публики, но позже превратился в красивый, сигаровидной формы летательный аппарат — символ технического прогресса и авангарда. Герои книги Рябова, конечно же, в старом пузатом дирижабле.

Влекомые сиюминутными порывами и скучными, но злободневными задачами, они перемещаются по страницам в заданном ветром направлении. Голос главного героя звучит как будто из-под палки — ему

не придумывается, не пишется, не живет. Казалось бы, крик маленького человека, которому оттоптали его маленькое персональное эго, — характерный мотив современной русской прозы и ее коренное отличие от прозы модерна, где на каждой странице случался закат Европы и умирал Бог.

Значение этого сюжета можно было бы признать частным, если бы не та тень, которую отбрасывают пьяные похождения отчаявшегося таланта на весь современный литературный мейнстрим, исчерпывающе характеризую его проблематику, объем и горизонт. Лучше сто раз напиться и один раз выйти в окно, чем стать одним из тех «востребованных» авторов, кто послушно выполняет заказы, улавливает на лету тренды, соблюдает сроки, выдает по книжечке в год, превращая искусство в коммерческий аттракцион. Психологическая достоверность в «Дирижабле» достигается тем, что герой не пытается изменить ситуацию — он действует, исходя из навязанных обстоятельств. Неслучайно и фамилия у него «животная» — Собакин. Критики уже определили героя Рябова как новую инкарнацию лишнего человека в русской литературе. Нужный лишний человек. Своевременный.

